

языка, религии, традиций и особенно самосознания, исследователь настаивает на полной приложимости использованной им социологической концепции к историческому прошлому греческого народа (р. 10—14). В заключение Константелос заявляет о том, что лингвистический анализ термина *υεστηρικη* демонстрирует непрерывный континуитет «греческого духа» (р. 14—15). При этом, правда, внутренняя логика исследования исчерпывается тезис, выдвинутый для оправдания априорного отождествления значений указанного термина в античной и византийской литературе уже в ходе исследования, весьма неожиданно становится его завершением.

Также не избежал чрезмерной увлеченности одной из концепций современной социопсихологии в обобщающем очерке истории греческого народа Д. Закитинос. Акцентируя внимание на основных этапах формирования греческой народности, историк стремится установить ее отличительные черты. Само по себе подобное желание не является предосудительным, если оно служит объективному объяснению сложного исторического процесса. Но Закитинос руководствуется «рецептом» французского академика А. Зифрида и по аналогии с его высказыванием формулирует тезис о том, что «в психологии греков существует постоянная субструктура, которая всегда может быть прослежена». В качестве же этой пресловутой субструктуры, по мнению ученого, выступает всеобъемлющий эллинизм (р. 325).

О некоторых аспектах подхода к исследованию арабо-византийских отношений X—XI вв. в современной зарубежной историографии

В основу настоящего обзора положены три исследования: одно из них принадлежит перу австрийского византиниста В. Феликса («Византия и исламский мир в начале XI в.»)¹, другое — арабскому ученому А. Шбулу («Ал-Масуди и его мир. Мусульманский гуманист и его немусульманские интересы»)², третье — западногерманскому византинисту Э. Траппу («Существовал ли византийский перевод Корана?»)³. При всем различии конкретных исследовательских задач, решаемых авторами, эти работы в своей совокупности дают довольно наглядное представление о современном состоянии и уровне изучения арабо-византийских отношений в X—XI вв., об исследовательских методах, постановке вопроса, достигнутых результатах и т. п.

Как известно, начало разработки проблематики, связанной с этой темой, относится ко второй половине XIX в. и свя-

Итак, неоправданное применение социопсихологических схем лишает исследование перспективы, поскольку ограничивает его в заранее известных пределах. Схематизирование уводит исследователей от конкретно-исторических изысканий в область софистических построений. И это не случайно. Психологизация исторических процессов и явлений, суть которой состоит в идеалистическом понимании общества, заставляет исследователя подменять факторы, реально детерминирующие общественные явления, их психологическими следствиями. В рассмотренных выше исследованиях Константелоса и Закитиноса картина реальных общественных отношений, сформированных в результате накопления и усвоения человеческого опыта, заменяется признанием квази-континуитета и мифическими субструктурами — носителями неизменных коллективных представлений, адсорбирующими самосознание народности.

К счастью, в сборнике статей, посвященном П. Харанису, увлечение «социопсихологическими экспериментами» осталось редкостным исключением и не служит преградой для общего благоприятного впечатления, оставляемого работами более полутора десятка исследователей. Научная значимость их трудов, безусловно, стяжает добрую репутацию сборнику,носящему имя известного византиниста.

Ю. Я. Вин

зано с именами видных историков — как русских арабистов и византинистов (В. Р. Розена, А. А. Васильева, И. Ю. Крачковского, В. В. Бартольда), так и зарубежных (М. Амари, Л. Шейхо, Э. Ниса, М. Штейншнейдера). Главным итогом исследований XIX—начала XX в. было введение в научный оборот ряда публикаций арабских текстов (в том числе частей арабо-византийской хроники Яхьи Антиохийского — Крачковский — Васильев)⁴, систематизация известий арабских авторов о Византии (Васильев — Розен)⁵, написание обзоров по христианской арабской литературе, представители которой испытали довольно сильное влияние византийской культуры (Граф, Брокельман)⁶.

Поиск фактов и стремление показать, «как это в действительности было»

⁴ Jahja b. Sa'id / Ed. I. Kratschkovskij et A. A. Vasiliev. — PO, 1924, 18, p. 699—833; 1932, 23, p. 347—520.

⁵ См. теперь: Vasiliev A. A. Byzance et les arabes. Bruxelles, 1935—1968; Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883.

⁶ Graf G. Geschichte der christlichen arabischen Literatur. Vatikanstadt., 1944, 1947, 1949, 1951; Brockelmann C. Geschichte der christlichen Literaturen des Orients. Leipzig, 1909.

¹ Felix W. Byzanz und die islamische Welt. Wien, 1981 (Byzantina Vindobonensia, XIV).

² Shboull A. Al Mas'udi and his World. L., 1979.

³ Trapp E. Gab es eine byzantinische Koranübersetzung? — *Διατρυχα*, 1980—1981, 2, с. 7—17.

(Ранке), отвечали общему духу исторических исследований той эпохи⁷, но при этом акцентировались главным образом факты политической истории и конфессионального противостояния византийского и арабского миров; что же касается обобщений, то главным и определяющим был вывод о том, что взаимоотношения халифата и Византии на всем протяжении их истории в основном сводились к войнам⁸.

Принципиальной особенностью подхода современной (начиная с 40—50-х годов нашего столетия) историографии арабо-византийских отношений является отказ от их однозначной оценки, стремление осветить разнообразные аспекты взаимоотношений этих цивилизаций.

Конечно, едва ли официальная политика ислама по отношению к христианской державе может быть истолкована как дружелюбная, но, с другой стороны, известная веротерпимость и контакты между империей ромеев и халифатом, безусловно, имели место. И речь шла не только о посольствах или обмене пленными. Как показывает в своем исследовании Ю. Эше, в Багдаде византийские рукописи вызывали интерес халифов: из сочинений арабского историка и философа ибн Халдуна, на которое ссылается ученый, известен факт настоящей просьбы аббасидского халифа Мансура, адресованной византийскому императору (Льву IV?), о присылке книг⁹. Интересную деталь отмечает М. Канар: речь идет, в частности, о том, что халифский посол, отправляясь в Константинополь (X в.), мог не заботиться о переводчике — его легко было найти в столице Византии, при дворе императора¹⁰.

Что же касается традиционной проблематики, связанной с историей политических отношений, то она также присутствует в современной историографии, но подход к ней стал иным. В чем же заключается эта новизна?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к анализу исследования В. Феликса. По своему замыслу монография Феликса является продолжением идей работ французских византинистов Г. Шлюмберже и М. Канара¹¹. Однако

Феликс пошел дальше, поставив своей задачей исследовать арабо-византийские военно-политические взаимоотношения не только в «традиционных» (для исследователей) областях экспансионистской политики империи — в Сирии и Северной Африке, но также в Армении, ал-Джазире, Южной Италии и Сицилии. Поэтому наряду с традиционными византийскими и арабскими (в оригинале) источниками — сочинениями Скилицы, Кедрина, Кекавмена, Атталиата, Яхьи Антиохийского, Камаладдина б. ал-Адима, ибн Халдуна, ибн ал-Асира, Абу-л-Фараджа (Барэбрэя) — Феликс использует также сочинения «латинских», армянских и грузинских авторов: Матфея Эдесского, Аристакеса Ластиверца, грузинскую хронику «Картлис цховреба», а также хроники Анонима Барийского, Иоанна Диакона, Амата Монтекассинского.

Основная задача исследователя — путем сравнительного анализа всей совокупности источников воссоздать как можно более полно фактологическую канву политической истории названных выше регионов первой половины XI в. Этому замыслу подчинена и структура монографии (облегчающая ее использование как справочника): весь материал разделен соответственно регионам исследования на три части; для облегчения ориентации в тексте автор предпосылает каждой из них хронологическую таблицу событий (имевших место в каждом из данных регионов), которая включает в себя уточненные в результате сравнения источников данные. В отдельных случаях, где позволяют источники, события даны не только с указанием года, но и времени года, иногда — месяца. Поскольку автор ставит целью осветить политические взаимоотношения с точки зрения каждой из сторон, исследование в целом сводится к максимально подробному изложению исторических событий и фактов.

Параллельный сравнительный анализ византийских и арабских, а также кавказских и «западных» источников позволяет автору уточнить, насколько это возможно, хронологические рамки изучаемых событий, выявить и объяснить встречающиеся в источниках несовпадения, найти новые возможности прочтения непонятных слов в арабских источниках.

Приведем некоторые примеры. Так, Феликс подвергает сомнению общепринятую дату — 422 г. х./1030 г. н. э. — захвата византийскими войсками сирийского города Апамеи (Афамьи). Повод для сомнения дали свидетельства Яхьи Антиохийского, касающиеся предводителя ромейского войска (по Ибн ал-Асиру и Абу-л-Фида) джаррахидского эмира Хасана б. ал-Муфарриджа. Согласно Яхье, Хасан как раз в это время укрывался от фатимидского наместника Сирии и Палестины ал-Дузбари в районе Тадмура (Пальмиры) и не мог находиться

Jazîra et de Syrie. P., 1952; *Idem*. Les sources arabes de l'Histoire byzantine aux confins des Xe et XIe siècles. — REB, 1961, 19, p. 304.

⁷ См., например: *Ланглау и Сеньобос*. Введение в изучение истории. СПб., 1899, с. 153—166, 178; *Гуревич А. Я.* Что такое исторический факт? — В кн.: *Источниковедение*. М., 1969, с. 60—61.

⁸ *Amari M.* Storia dei Musulmani di Sicilia. Firenze, 1854—1872, vol. 1—3; см. также: *Vismara G.* Bisanzio e l'Islam. Milano, 1950.

⁹ *Eche Y.* Les bibliothèques arabes. Damas., 1967, p. 21.

¹⁰ *Canard M.* Deux épisodes des relations diplomatiques arabo-byzantines au Xe siècle. — Bulletin d'Etudes Orientales, XIII, p. 52, ann. 2.

¹¹ *Schlumberger G.* L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle. P., 1896—1905, vol. I—III; *Canard M.* Histoire de la Dynastie des Hamdanides de

в Сирии, а тем более командовать там отрядом ромеев. Более того, о захвате Афамьи ранее 1032 г. вообще не могло быть и речи, так как на это время приходится начало переговоров между Византией и фатимидским Египтом, в ходе которых как раз обсуждался вопрос о передаче империи этого города. В 1035 г. Афамья была уже византийской. Принимая все это во внимание и привлекая дополнительно свидетельство ибн ал-Асира о присутствии Хасана б. ал-Муфарриджа в 426 г. х./1034 г. в Сирии, Феликс предлагает датировать захват Афамьи периодом между 1033 и 1034 гг. В любом случае, как показывает Феликс, данные разных источников, будучи сопоставленными, прямо свидетельствуют против датировки 1030 г. (с. 104, примеч. 186). Сопоставление византийских и арабских источников позволяет в некоторых случаях уточнить титулатуру. Так, катепан Антюхий «ивир» Никита из Мистии, поставленный Романом III вместо Константина Каратина (1030 г.), по византийским источникам (Скилица, Кедрин), до вступления в новую должность имел титул «дуки», тогда как у Яхьи, уже будучи в этой должности, он называется «ректором». Этот титул был достаточно высоким и не предоставлялся в порядке обычного «*cursus honorum*». Можно ли доверять сведениям Яхьи? Сравнение с данными сфрагистики и Эскуриальского «Тактикона» подтвердило правильность сведений этого историка (с. 89, прим. 141).

Немалую трудность представляет трактовка отдельных арабских слов. Византийские источники нередко могут облегчить прочтение арабского текста. Исследователь достигает этого путем сопоставлений, изменения пунктуации в арабских словах, подстановки букв сходного написания и т. д. Так, *فلميل* → *فلميل* → *Φιλομέλιον* (с. 71, примеч. 85), *العلموخ* → *العلموخ* → *τοὐρμαρχης* (с. 98, примеч. 168).

Параллельное рассмотрение византийских и арабских источников позволяет порой обнаружить тонкости и детали, небезытересные для общего понимания изучаемой проблемы, которые, однако, ускользают от исследователя и остаются невыявленными при ином подходе к анализу источников. Показательно в этом отношении сопоставление Феликсом описания ибн ал-Асиром и Пселлом бегства незадачливого полководца Романа III: Феликс подмечает различие в трактовке некоторых деталей — по Ибн ал-Асиру и Камаладдину, император бежал, сменив пурпурные сапоги на обычные; по Пселлу же, пурпурная обувь была сигналом к сплочению вокруг императора остатков войск (с. 87, примеч. 135)¹².

К сожалению, традиционный подход Феликса — ориентация на внешнеполитическую историю — исключает оценку такого рода фактов, в результате чего

вне поля зрения исследователя остается интересный материал, способный дать ответ на вопрос о взаимовосприятии стран Ислама и Византии.

Оценивая книгу Феликса в целом, можно сказать, что главное ее достоинство и интерес заключаются в одновременном привлечении большого числа разноязычных источников, что безусловно, продуктивно и открывает большие возможности для изучения конкретных событий истории арабо-византийских отношений. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на явное несоответствие между названием книги и ее конкретным содержанием. Вряд ли можно сводить понятие «Welt» — «мир» только к военно-политическим контактам сторон, игнорируя то, как одна сторона представляла себе другую — ее нравы, обычаи, религию, государственное устройство и многое другое.

Круг этих проблем составляет тематику книги А. Шбула. Шбул поставил своей целью показать, каким видел, как представлял себе средневековый арабский ученый немусульманский мир, в том числе и Византию, которой отведена в книге специальная глава.

Если работа Феликса была построена главным образом на параллельном анализе большого числа источников, преимущественно хроник, среди которых не были достаточно ясно выделены основные и второстепенные, то Шбул избрал иной путь. Для своей работы в качестве основных источников он взял два историко-беллетристических сочинения арабского писателя и путешественника X в. Абу-л-Хасана Али б. ал-Хусейна б. Али б. Абдаллаха ал-Масуди (Мурудж ал-Захаб ва Маадия ал-Джаухар) («Золотые луга и россыпи драгоценностей», далее: МЗ) и «Китаб ал-Танбих ва-л-Ишраф» («Книга указания и пересмотра», далее: Т). Сведения, взятые из них, сопоставляются со сведениями, содержащимися в сочинениях других арабских писателей, как современников ал-Масуди, так и тех, которые писали до и после него: это мусульманские авторы — Ибн ал-Асир, Ал-Балазури, Ад-Динавари, Ал-Бируни, Ибн Хазм, Ибн Халдун, Ат-Табари, Ибн Мискавейхи, а также христианские арабские писатели — Теодор Абу Курра, Евтий, Агапий, Абу-л-Фарадж (Барэрей). Важно отметить, что Шбул использовал не только уже имеющиеся публикации сочинений, но и целый ряд рукописей некоторых из этих авторов (в том числе и сочинений, приписываемых ал-Масуди), хранящихся в библиотеках Стамбула и в Британском музее. Явным недостатком источниковедческой основы исследования является относительно небольшое число

умелого использования ее для создания бесспорно уничижительного образа горе-воина позволяет небезосновательно предположить, что эта символика была знакома также и его читателям, а это, в свою очередь, наводит на мысль о том, что взаимоотношения креста и полумесяца не сводились лишь к войнам.

¹² Заметим, что сам по себе факт осведомленности арабского писателя в византийской цветовой символике, а также

привлеченных для сопоставления византийских источников, взятых к тому же в большинстве случаев в переводе.

Если Феликс критикует источники своего исследования синхронистически, то Шбул, реконструируя источники МЗ и Т, обращается к сочинениям разных времен: многое из того, что мог читать ал-Масуди, на сегодняшний день безвозвратно утеряно, однако ссылки на эти произведения подчас сохранились у арабских авторов, живших в последующее время. Используя этот прием, а также привлекая замечания, содержащиеся в произведениях самого ал-Масуди, Шбул реконструирует источники писателя. Исследователь установил, что ал-Масуди пользовался двумя типами источников — устными и письменными, причем последние Шбул, в свою очередь, также делит на два типа: исторические сочинения и различные акты. Главными информантами ал-Масуди были, как правило, послы, моряки, начальники гарнизонов *ثغور* — пограничных с Византией областей, а также «рвенегагы» — ромеи, принявшие ислам. Среди последних — известный Лев Триполитанин, захвативший и разграбивший в 904 г. второй по величине город Империи — Фессалонику, а также — «билингв», неоднократно бывавший в составе посольств в Византию, командир гарнизона на византийско-арабской границе Абу Умайр ал-Баки.

Что же касается письменных источников, то Шбулу удалось доказать использование ал-Масуди для освещения античной и позднеантичной истории до начала мусульманского летоисчисления хроники некоего Аниана (Анниана) — александрийского монаха V в. (охватывавшей период от Сотворения мира до Константина Великого), а также — сочинений Агапия и Евтихия; с последним, ал-Масуди был даже знаком.

Особую трудность представляет определение источников известий о Византии, приходящихся на период после принятия арабами ислама. По предположению Шбула, в данном случае в основе сведений МЗ и Т лежит географическое сочинение ал-Джарми, а также «Кутуб ал-Савайф» — сборник актов о летних кампаниях, где содержались сведения об обмене военнопленными. Шбул убедительно доказывает также использование ал-Масуди списка византийских императоров (вплоть до Константина VII Порфирогенета), который, как это видно из исследования, имелся в Багдаде.

Определив, таким образом, наиболее вероятные источники сведений ал-Масуди, автор переходит к систематизации имеющегося в МЗ и Т материала по византийской истории и культуре. Наиболее целесообразны, по мнению Шбула, следующие направления этой систематизации: география Империи, ее столица — Константинополь, византийская история прошлая и современная (для ал-Масуди), византийская цивилизация. Обращает на себя внимание тот факт, что собранный Шбулом материал носит не чисто историко-политический (как у Феликса),

а страноведческо-описательный характер. Шбул фиксирует информацию об административном делении империи (названо количество фем — 14) и о морских путях. Исследователь отмечает, что заметки ал-Масуди о Константинополе свидетельствуют, что столица интересовала арабского путешественника с точки зрения находившихся в ней зданий, церквей, климата, а также условий содержания там мусульманских пленных. Шбул фиксирует в МЗ и Т отголоски слухов и сплетен того далекого времени. Так, например, много внимания уделено слухам о византийском императоре Никифоре I, отмечается, в частности, что это первый византийский император, носивший бороду, а также и то, что он будто бы был арабом по происхождению. Это последнее, на наш взгляд, небезынтересно в свете арабской политики этого императора¹³. Другой «слух», приводимый ал-Масуди и фиксируемый Шбулом, может пролить некоторый свет на тайну свержения с престола Романа I Лекапина. Ал-Масуди пишет, что сыновья свергли Романа с вехом Константина VII Порфирогенета. Хотя этот факт и не находит поддержки в сочинении современника событий — кременского епископа Лиутпранда, но зато удивительно совпадает со считающимися в настоящее время недостоверными известиями поздних византийских хроник.

Шбул отмечает склонность ал-Масуди к точной передаче иноземных, в частности греческих и византийских, реалий. Так, у него приведено, например, греческое прозвище Юлиана Отступника *دربانتسی* = *παράβτης*, а также дана греческая этимология названия столицы Византии. Наряду с этим содержатся также переводы греческих прозвищ на арабский язык, как, например, *الاصومر* = *ῥινοκέτης* (Ринотмет).

Но наиболее интересными и важными являются те места исследования, где автор говорит о восприятии ал-Масуди Византии не как врага, «собаки, логово которой надо знать», но как сильного, соперничающего с исламским миром государства, имеющего свою собственную культуру и развитие. Поэтому не случайно, замечает Шбул, в МЗ и Т содержатся попытки синхронизации времени правления византийских императоров и арабских халифов, описания церковных соборов, а также заметки о солнечном календаре ромеев.

К сожалению, Шбул не сопоставил результаты своего анализа арабских источников с конкретными данными византийских материалов. В частности, было бы небезынтересно сравнить сведения ал-Масуди о Льве Триполитанине с тем, что пишет о нем византийский писатель Иоанн Камениат, а данные, которые исследователь считает заимствованными у Анниана, — с тем, что сохранилось от его труда в сочинениях Георгия Синкелла и Михаила Великого,

¹³ Güterbock C. Der Islam im Lichte der byzantinischen Polemik. B., 1912, S. 24.

сирийского историка XII в., составившего свою хроникку на основе использования большого количества сведений византийских писателей.

Проблема взаимоотношений между странами ислама и Византией, кроме арабо-византийского аспекта, имеет также и противоположный — византийско-арабский. Круг вопросов, которые он предполагает, идентичен поставленным выше по отношению к арабам: что знали византийцы о жизни своих южных соперников, какое представление имели они об их государственном строе, правах, обычаях и т. п. С этой точки зрения интерес представляет статья Э. Траппа, в которой рассматривается вопрос о существовании византийского перевода Корана. Автор полемизирует с утверждением А. Хури о том, что коранические цитаты, встречающиеся в сочинении византийского писателя X в. Никиты Византийца, — результат его собственного перевода арабского текста, что, в свою очередь, предполагает отсутствие у Никиты греческого перевода Корана. Трапп, исследуя ошибки в коранических цитатах текста Никиты, утверждает обратное. Он приходит к выводу, что эти ошибки, по сути дела, описки, явившиеся следствием плохого прочтения самим византийцем архетипа. Ученый полагает, что эти описки были вызваны тем, что архетип был написан минускулом. Исходя из этого, он предлагает в качестве нижней границы вероятного перевода Корана начало IX в.

Траппом исследован также язык коранических цитат. Исследователь приходит к интересному выводу: язык цитат близок к народному, тогда как сам Никита строго ориентируется на нормы аттической греческой речи. При этом небезынтересно также следующее наблюдение исследователя: эти же цитаты, будучи приведенными в антиисламском сочинении современника Никиты, Евфимия Зигавина, претерпевают литературную обработку. На основании этих сравнений, подкрепленных к тому же сопоставлением текста цитат с текстом официальных формул — проклятий исламу, Трапп делает вывод о существовании в X в. в Византии перевода Корана.

Вместе с тем, как думается, приводимый Траппом материал позволяет высказать некоторые предположения также и о вероятном происхождении переводчика. Сопоставление встречающихся у Никиты отрывков текста сур с их арабскими оригиналами свидетельствует о том, что переводы в основном калька. При этом очевидно, что переводчику явно не хватало греческих слов. Так, он, плохо чувствуя, вероятно, неродной для него язык, часто использует относительно малоупотребительный¹⁴ греческий предлог ἐπὶ αὐτῶν, скорее всего, будучи не в силах передать оттенки арабского *علي*, например, 772 В—К.68.4 или 733 В—К.4.60. Кроме того, в его речи встречаются арабизмы (776 В, 760 D) и латинизмы (768 А 13; 768 D 1, 772 С 14). Примечательно, что во всех этих случаях можно

было бы легко обойтись нормальными греческими словами. Все это в сочетании с выводом Траппа о народном языке перевода позволяет предположить, что переводчик Корана на греческий язык был, по всей видимости, билингв арабского¹⁵ происхождения из латинских областей Империи.

Завершая обзор, хотелось бы отметить следующее. Конечно, каждая из рассмотренных работ по-своему интересна и проливает свет на какие-то мало или совсем неизвестные стороны взаимодействия двух великих цивилизаций средневековья. Но особый интерес и ценность с этой точки зрения представляет все же, на наш взгляд, исследование Шбула. Оно интересно по постановке вопроса, отражающей стремление «прорваться» через завесу военной, политической и идеологической конфронтации византийского и арабского миров и выявить элементы их глубокого взаимодействия и взаимовлияния. Нетрадиционной постановке вопроса («Что знали арабы о византийцах?») соответствует и нетрадиционный исследовательский подход — пересмотр старых, порой достаточно хорошо известных источников с точки зрения анализа деталей, а не только фактов событийной истории, как это особенно характерно, например, для Феликса. Правда, в этом нет большой вины Феликса, ибо таково исторически сложившееся состояние источников. Дело в том, что арабы почти не переводили византийских сочинений, а византийцы — арабских; они относительно немного писали друг о друге (если не считать полемики по конфессиональным вопросам). Но при рассмотрении вопроса о взаимовспирити этих двух средневековых цивилизаций не следует пренебрегать даже отрицательными характеристиками, которые порой могут быть весьма красноречивым источником: что именно вызывало у арабов неприязнь к византийцам (кроме идеологической вражды), какие качества и достоинства, присущие им самим, они отказывались признавать за ромеями? При этом совершенно необязательно

¹⁴ 11 раз этот предлог встречается в Новом завете (см.: *Schirlitz S. Ch. — Eger Th. Griechisch-Deutsches Wörterbuch zum Neuen Testament*. Giessen, 1908, S. 152) и 23 раза в Септуагинте (см.: *Novus Thesaurus... Lexicon in LXX interpretes graecos ac scriptores apocryphos Veteris Testamenti* / Ed. J. F. Schleusner. Lipsiae, 1820, v. 2, p. 429). Примечательно, что с помощью ἐπὶ αὐτῶν в Септуагинте переведен предлог «*علي*» (этимологически родственный с «*امس*») в значении auf, ἐπί; ср.: *Gesenius W. Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament*. Leipzig, 1899, S. 608.

¹⁵ А вероятно, не сирийского, ибо тогда слово «ряд, порядок» скорее было бы передано по-гречески как τάξις (ср. сирийское заимствование — *طصمعة*), а не

в латинизированной форме *ὄρδινος*.

прибегать к сопоставительному анализу лишь сходных по жанру произведений. Более того, сопоставление вообще целесообразнее проводить, видимо, в ином плане: оно должно вестись в русле сопоставления жанров, хотя и противоположных, но отражающих специфику внутренней жизни, мировосприятия — словом, культуры в целом каждой из

цивилизаций¹⁶. В этом смысле арабская поэзия вполне могла бы соседствовать с византийской прозой¹⁷.

Н. И. Сериков

¹⁶ Что касается полноты отражения, то это понятие применимо скорее к отдельным авторам, чем к жанрам.

¹⁷ См. об этом: *Canard M. Les sources arabes...*, p. 319.

A. Bryer. *The Empire of Trebizond and the Pontos*. L.: Variorum Reprints, 1980. 366 p.

В книге директора Центра византийских исследований Бирмингемского университета Э. Брайера собрано 13 его работ по истории Понта и Трапезундской империи, вышедших ранее в разных изданиях с 1965 по 1979 г.¹ При выборе материала для книги Брайер руководствовался главной идеей, сформулированной во введении: «Слишком долго Трапезундская империя рассматривалась лишь как экзотический привесок к поздневизантийской истории. На самом деле это только поверхность более интересного и глубокого явления — понтийского регионализма, с его определенными социальными, экономическими и географическими характеристиками, которые как предшествовали Великим Комнинам, так и пережили их» (с. 1). Основная цель автора — показать своеобразие «понтийского феномена» в его историческом развитии с VII (и особенно с XI) до начала XX в. Создавая свою концепцию, суть которой изложена в книге, Брайер обращается к наиболее сложным для решения проблемам, часто предлагает нетрадиционные толкования известных источников и всегда стремится к рассмотрению явлений в широком историческом контексте.

В работе о просопографии понтийско-византийско-сельджуцкой (а затем и

крымской) династии Гавров Брайер не только собрал многочисленные данные о ее представителях, но и высказал ряд важных суждений о сущности понтийского сепаратизма XI—XIII вв. По его мнению, причиной стабилизации власти Гавров в Халдии было то, что они смогли опереться в основном на местные ресурсы и на понтийских греков, составлявших компактное этническое единство, и, во-вторых, то, что на Понте прочно укоренилась и в модифицированном виде просуществовала вплоть до 1461 г. византийская феменная структура, удивительно подходящая к условиям местности и нуждам обороны ее от сельджуков и затем тюркских племен (III, с. 167—168). Весь период с 1072 г. до середины 60-х годов XII в. отмечен борьбой кочевых тюркских племен (Брайер называет их туркменами в отличие от перешедших к оседлости «турков») с греко-лазским населением Понта. В этой борьбе Гавры и Данишменды были противниками. Но и те и другие имели много общего: они представляли силы сепаратизма, в одном случае направленного против Константинополя, в другом — против Иконийского султаната.

С 60-х годов XII в. начинается двойное наступление: византийских Комнинов, присоединивших Халдию к империи (ок. 1165 г.), и сельджуков, истребивших династию Данишмендов в 1175—1178 гг. (III, с. 169—170)². Историческим парадоксом было то, что вскоре отпрыскам самой Комниновской династии предстояло стать во главе обособившегося от Византии Понтийского государства — Трапезундской империи. Брайер отмечает новый аспект этого явления: вступление Алексея I Великого Комнина в Трапезунд в 1204 г. было одновременно продолжением династического соперничества Гавров и Комнинов, завершившегося полным вытеснением Гавров с Понта. Брайер справедливо указывает в этой связи на то, что Великие Комнины избрали в качестве патрона своего государства св. Евгения, а не гораздо более почитаемого до XIII в.

¹ Книга издана в соответствии с принципами публикаций «Варiorum репринте» (см. о них: ВВ, 1974, 36, с. 204—206; ВВ, 1977, 38, с. 185—191). В сборник вошли следующие статьи Брайера: I. Города Ираклия; II. Экскурсы о Мананалисе, Самосате в Армении и географии павликиан; III и IIIa. Византийская семья: Гавры (ок. 979—ок. 1653); IV. Судьба Георгия Комнина, правителя Трапезунда (1266—1280); V. Греки и туркмены: понтийское исключение; VI. Поздневизантийский монастырь в городе и деревне; VII. Поместья в Трапезундской империи; VIII. Мореплавание в Трапезундской империи; IX. Несколько трапезундских монашеских поминальных записей (1368—1563); X. Лудовико да Болонья и грузинское и анатолийское посольство в 1460—1461 гг.; XI. Туркократия на Понте. Несколько проблем и предварительных заключений; XII. Понтийское возрождение и Новая Греция. В дальнейшем мы указываем в тексте номер статьи и соответствующие страницы.

² К сожалению, в статье не учтены две важные работы Ф. И. Успенского: Мелик Гази и Дзун-Нун Данишменды. — ЗООИД, 1879, XI, с. 229—268; Выделение Трапезунда из состава Византийской империи. — СК, 1927, I, с. 21—34.